

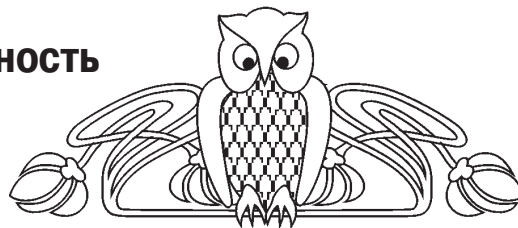

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 437–444
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 437–444
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-4-437-444>

Научная статья
УДК 340

Позитивная правовая неопределенность как технико-юридический способ изложения права

Е. Ю. Архипова

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Архипова Екатерина Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права, arkhipovaeyu@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-8646-5826>

Аннотация. Введение. В условиях современного российского общества с высокими темпами развития рыночных отношений, цифровизацией основных сфер жизнедеятельности, популяризацией идей самоорганизации и саморегулирования правовая неопределенность выступает как биполярное явление, является не только следствием правотворческих ошибок, но и эффективным технико-юридическим способом изложения нормативных положений. **Теоретический анализ.** Анализ истории становления и развития идей определенности и неопределенности в правоведении показал, что указанные категории рассматриваются как универсальные, характерные для любой материи явления. Установлено, что абсолютная определенность недостижима и не всегда востребована, в то время как правовая неопределенность заложена в саму природу права. **Эмпирический анализ.** Выявлено, что необходимость обеспечения подвижности, гибкости правового регулирования возлагает на правотворческого субъекта задачу по разумному использованию правовой неопределенности как технико-юридического способа изложения права, что находит отражение в действующем законодательстве. **Результаты.** Правовая неопределенность представляет собой объективное и неизбежное явление, а тотальная регламентация общественных отношений не всегда оправдана. Право совершенствуется на основе принципа перехода от казуистического к абстрактному, что доказывает его универсальность.

Ключевые слова: правовая неопределенность, юридическая техника, технико-юридические способы, правовая определенность

Для цитирования: Архипова Е. Ю. Позитивная правовая неопределенность как технико-юридический способ изложения права // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 437–444. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-4-437-444>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The positive legal uncertainty as a technical and legal method of exposition of law

E. Yu. Arkhipova

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Ekaterina Yu. Arkhipova, arkhipovaeyu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8646-5826>

Abstract. Introduction. In modern Russian society with high rates of development of market relations, digitalization of the main spheres of life, popularization of the ideas of self-organization and self-regulation, legal uncertainty acts as a bipolar phenomenon, which is not only a consequence of law-making errors, but an effective technical and legal way of presenting regulations. **Theoretical analysis.** The historical analysis of the formation and development of ideas of certainty and uncertainty in jurisprudence showed that these categories are considered as universal phenomena characteristic of any matter. It was established that absolute certainty is unattainable and not always in demand, while legal uncertainty is inherent in the very nature of law. **Empirical analysis.** It was revealed that the need to ensure mobility and flexibility of legal regulation imposes the task of a reasonable use of legal uncertainty as a technical and legal way of presenting law on the law-making subject, which is reflected in the current legislation. **Results.** Legal uncertainty is an objective and inevitable phenomenon, and the total regulation of social relations is not always justified. The law is being improved on the basis of the principle of transition from the casuistic to the abstract, which proves its universality.

Keywords: legal uncertainty, legal technique, technical and legal methods, legal certainty

For citation: Arkhipova E. Yu. The positive legal uncertainty as a technical and legal method of exposition of law. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 437–444 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-4-437-444>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Противоречивость процесса правового регулирования общественных отношений зачастую связывается с проблемами, возникающими у правотворческого субъекта в ходе выбора средств правового воздействия с точки зрения содержательного наполнения. Трудности, связанные с определением последних, обусловлены как объективными (например, неполнота информации, невозможность охватить все общественные отношения средствами правового регулирования и др.), так и субъективными факторами (некомпетентность соответствующих субъектов, ошибки и др.). При этом нужно понимать, что в праве должен быть соблюден баланс, с одной стороны, строгой определенности, точности, а с другой стороны, эластичности и подвижности, чего можно достичь только посредством грамотного применения технико-юридического инструментария. Подобные факты, по мнению Ю. А. Тихомирова, придают вопросу об определенности и неопределенности права вечный характер [1, с. 146].

В настоящее время исследования ученых и практиков юриспруденции направлены на изучение специфики использования правил, средств и приемов юридической техники. Подобная ситуация неслучайна, поскольку от правильности применения технико-юридических инструментов зависит эффективность действия законодательства, результативность правоприменения и толкования норм права, да и в целом успешное функционирование правовой системы государства. Как правило, технико-юридический инструментарий направлен на внешнее оформление документа, на построение его содержания в части точного выражения воли правотворческого субъекта, грамотного использования средств юридической техники, а также системного изложения нормативного материала. Таким образом, юридическая техника, являясь показателем правовой культуры общества и правотворческого опыта, позволяет обеспечить четкость, ясность и в конечном счете определенность права в необходимой мере [2, с. 110–112].

В то же время важной особенностью норм права выступает их способность распространения на достаточно большой круг жизненных ситуаций и субъектов, чему способствует общий, абстрактный характер их изложения. Известно, что нормы права в жизни применяются в конкретных отношениях между конкретными субъектами, в связи с чем имеется потребность в уточнении в условиях реальной действительности содержательных элементов нормы права, выраженных в общей форме, применительно

практически к любому случаю реализации права. Однако зачастую правотворческий орган сознательно применяет технико-юридический способ правовой неопределенности при изложении нормативного материала, поскольку рассчитывает обеспечить подвижность правового регулирования соответствующих общественных отношений. Правовая неопределенность, таким образом, оказывается способной выступить основанием для индивидуального регулирования, свободы выбора вариантов собственных действий субъектами, усмотрения в границах законодательства. Являясь технико-юридическим способом изложения права, она дает правотворческому субъекту возможность охватить правовым регулированием наиболее широкий круг общественных отношений, как существующих в момент формирования правила поведения, так и тех, которые могут возникнуть в будущем. В этом аспекте наиболее важным представляется выяснение сути правовой неопределенности как технико-юридического способа формирования права, ее базовых свойств и особенностей.

Теоретический анализ

Определенность и неопределенность выступают свойствами любой материи, и правовая не является исключением. Они ей объективно необходимы, поскольку обеспечивают гибкость, изменчивость, эластичность, а также возможность перехода явления от одного качественного состояния к другому. В связи с этим справедливо утверждается об универсальности и безграничности указанных свойств на основании вывода о том, что абсолютная определенность в праве недостижима [3, с. 216].

Первоначально проблема определенности и неопределенности как универсальных свойств была поставлена в древнегреческой философии [4, с. 14–17]: Анаксимандр утверждал, что неопределенность отражает неисчерпаемость материи; Филолай отмечал, что она олицетворяет беспредельное; для Платона неопределенность сводилась к материальному миру, а для Аристотеля – к объективному отсутствию количества, качества, времени и т.п. Кроме того, сам переход от неопределенности к определенности им ставится в зависимость от воздействия на материальный субстрат формы. В дальнейшем проблемам определенности и неопределенности уделяли внимание Г. Гегель, Л. Фейрбах. В целом же ученые пытались найти ответы на вопросы о первопричине всех вещей в природе и истоках мироздания.

Следующей вехой в изучении определенности и неопределенности стало открытие В. Гей-

зенбергом в 1927 г. принципа неопределенности в квантовой физике, благодаря чему стало понятным, что определенность и неопределенность находятся по отношению друг к другу в состоянии постоянности взаимосвязи, а абсолютная определенность недостижима. Далее указанная проблема находит свое отражение в различных отраслях знаний: социологии, психологии, геометрии и др. В. С. Готт и А. Д. Урсул сделали вывод о том, что указанные категории являются фактически фундаментальными, общими для всех частных наук [5, с. 24]. Интересно мнение занимающегося вопросами методологии Джона Ло, который пришел к выводу о том, что неопределенность не всегда есть результат методологического краха [6, с. 316]. В отечественном же правоведении вопросам правовой неопределенности уделялось внимание еще в дореволюционный период, но упоминались понятия «неясность», «темнота» норм права, которые оценивались крайне негативно [7, с. 316]. В настоящее время указанными вопросами занимаются Н. А. Власенко, Т. Н. Назаренко и др. Таким образом, справедливо утверждается на протяжении уже многих лет то, что определенность и неопределенность характерны и применимы для изучения в каждой сфере жизнедеятельности, для них характерна взаимная связь и взаимообусловленность, и юридическая сфера в этом отношении не является исключением.

Не вызывает сомнений тот факт, что центральным признаком права выступает его формальная определенность, которая выражается в требовании соблюдения ряда правил, относящихся как к внешней (установленная форма закрепления государством нормы права), так и к внутренней (точность, четкость, недвусмысленность содержания нормы права) сторонам права. Его соблюдение обеспечивает единообразие практики правоприменения и толкования права. В то же время очевидным является тот факт, что право по своей сути не способно охватывать все единичные случаи, поскольку обладает общим характером. Последнее суждение подтверждает заложенность неопределенности права в его природе. В связи с этим правотворческий субъект использует это в качестве технико-юридического способа в виде абстрактного изложения содержания нормы права. Указанное обуславливает необходимость восприятия неопределенности как позитивного явления, что доказывал Н. А. Власенко, рассматривая ее как технико-юридический прием правовой регламентации общественных отношений.

Говоря в целом о правовой неопределенности, стоит отметить, что в научной литературе ее рас-

сматривают в двух смыслах: а) в широком – как обусловленного субъективными и объективными правообразовательными факторами явления, олицетворяющего невозможность в полном объеме обеспечить общественные отношения правовым регулированием (несовершенство права, непоследовательное и неточное изложение воли правотворческого субъекта в нем, а также дефект системы права); б) в узком – как явления, одновременно являющегося технико-юридическим способом изложения нормативного материала и технико-юридическим дефектом [8, с. 12].

При этом само отношение к правовой неопределенности неоднозначно, а ее оценка разными учеными дается как в позитивном, так и в негативном ключе. Так, А. В. Демин, Н. А. Власенко, А. И. Сидоренко и другие рассматривают ее и как дефект, технико-юридические ошибки правотворческих органов, и как особую технологию правового регулирования, метод изложения нормативного материала [9, с. 57]. В последнем случае делается вывод, что эффект правового воздействия должно усматривать не через анализ текстов нормативных правовых актов, а через возможность реализации норм права с соответствующей степенью абстракции [10, с. 16]. С указанным мнением не соглашаются С. А. Батманов, В. В. Лазарев, В. П. Реутов и другие, полагая, что отличительная особенность права от иных социальных норм и состоит в том, что для него характерна определенность, а правовая неопределенность выступает лишь дефектом правового регулирования и может воспринимать только в негативном аспекте [11, с. 144].

На основе анализа представленных выше позиций сделаем следующий вывод: строгое императивно-правовое регулирование не всегда является целесообразным и даже возможным. Правотворческий субъект вынужден оставлять место для свободы усмотрения субъектов права, возможности избрать тот или иной вариант поведения. По справедливому утверждению Н. А. Власенко, позитивная правовая неопределенность, ее пределы зафиксированы в системе права посредством отдельной группы норм права – относительно определенных, устанавливающих предельные границы осуществления возможных действий [9, с. 58]. Подобное положение представляется оптимальным и справедливым. В связи с этим выделим характерные особенности правовой неопределенности:

1) является признаком права, характеризующимся невозможностью в полной мере конкретно выразить содержание и форму правовых явлений;

2) обладает как позитивным, так и негативным значением. В последнем случае речь идет

о неточностях, ошибках в процессе правового регулирования. К числу последних относят: дефект изложения воли правотворческого субъекта, ее несовпадение с формой права, что может свидетельствовать о неправильности применения логической (нарушение правил формальной логики при формировании нормативных правовых актов), графической (дефекты внешней стороны права), языковой (неправильное употребление словосочетаний, слов, терминов, нормативных предложений и т.п.) правотворческой техники. Неопределенность в негативном значении также может иметь место в системах права и законодательства, в правоприменительной практике (например, при несоответствии правоприменительных актов стандартам юридической техники);

3) стимулирует переход явления к качеству определенности [1, с. 146].

Позитивная правовая неопределенность как технико-юридический способ изложения нормативного материала проявляет себя посредством конструирования: диспозитивных, рекомендательных норм права; норм с альтернативными или относительно определенными санкциями; «рамочных» законов; принципов права; оценочных понятий; правовых предположений в виде фикций и презумпций; абстрактного изложения нормы права; социальных прав субъектов права [12, с. 110].

Эмпирический анализ

Правовая неопределенность как антиномия определенности является «пределом» последней, что оправдано необходимостью наличия в праве места для определенного усмотрения со стороны правоприменительных органов, а также индивидуального регулирования субъектами права соответствующих отношений. Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод о том, что в нем присутствует достаточное количество нормативных правовых актов, обладающих высокой степенью абстрактности изложения нормативного материала, что воспринимается как объективное явление. Т. Н. Назаренко отмечала, что степень абстрактности норм права не одинакова: более широкий круг общественных отношений, подпадающих под правовую регламентацию, требует более обобщенной их регламентации в содержании нормы права, где показатель определенности по отношению к конкретному общественному отношению в ряде однородных существенно снижается [8, с. 16].

Так, абстрактный способ изложения в большей степени проявляется в нормах Конституции РФ, а также федеральных конституционных законов. Например, ст. 19 Конституции РФ закреп-

ляет, что все равны перед законом и судом. Формулировка «все» распространяет свое действие на достаточно широкий круг субъектов, однако федеральным законодательством устанавливаются определенные исключения из указанного правила. Статья 34 Конституции РФ закрепляет право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для любой экономической деятельности, не запрещенной законодательством. Здесь также конкретные виды деятельности не перечислены, указано лишь требование о правомерности ее осуществления. В юридической литературе также делается акцент на достаточно обобщенных формулировках и абстрактном изложении в конституционно-правовых нормах социальных прав граждан. Ввиду того, что Основной закон страны должен быть способен к отражению динамичной структуры порядка, он устанавливает соответствующие социальные стандарты (достойное существование, справедливые условия оплаты труда и др.). По своей сущности нормы, регламентирующие социальные права человека, вынуждены истолковываться в условиях постоянных изменений [13, с. 321]. Такая степень неопределенности оправдывается еще тем фактом, что делает возможным учитывать неюридические (экономические, моральные, нравственные и др.) моменты в процессе оценки уровня защищенности такой категории прав. Таким образом, использование этого технико-юридического метода обеспечивает эволюционное толкование нормативного материала, содержащего положения о социальных правах, а законодатель целенаправленно применяет способ правовой неопределенности в целях максимального охвата данными нормами регулируемых общественных отношений и акцентирования на социальной значимости таких норм права.

Зачастую правовую неопределенность как технико-юридический способ изложения нормативного материала можно увидеть в отраслях частного права. Подобное положение дел оправдано диспозитивным методом правового регулирования, являющегося основным для таких отраслей права и предусматривающего свободу выбора субъектами права того или иного варианта поведения и его конструирования. Так, например, практически каждый принцип гражданского права может восприниматься как проявление позитивной правовой неопределенности, поскольку он олицетворяет собой крайнюю степень абстракции, охватывающую максимально широкий круг общественных отношений, составляющих предмет правового регулирования. Взять хотя бы принцип свободы договора, который устанавли-

валяет возможность сторон самостоятельно определять и его вид, условия, собственные права и обязанности. Единственное, на что стоит обращать внимание, – это необходимость действовать в рамках действующего законодательства. Следует согласиться, что подобная ситуация оправдана в условиях быстро развивающихся рыночных отношений, да и в целом в условиях демократического государства со свободным обществом. Е. В. Богданова при характеристике гражданского права утверждала, что ценность последнего состоит в его способности обеспечивать определенность в отношениях соответствующих субъектов на примере гражданско-правовых договоров [14, с. 21]. Так, их существенные условия, порядок заключения и т.п., установленные в нормах закона, позволяют достичь некоторой определенности. В то же время динамизм гражданско-правовых отношений вынуждает включать в них неопределенность как элемент договорного регулирования.

В принципах права проявляется наивысший уровень правовой неопределенности, поскольку они призваны заложить основные закономерности жизнедеятельности общества непосредственно в содержание права. По сути, они выступают отправным центром правового регулирования и отличаются от норм права своим назначением, которое заключается не только в упорядочении отношений, но и в определении центрального метода регулирования, объединения элементов системы права в некую совокупность. Например, принципы частноправовых отраслей определяют базовый метод правового регулирования в виде диспозитивного. Это, в свою очередь, позволяет обозначить диспозитивную направленность соответствующих норм, предполагающих большую свободу субъектов права. Такие принципы, как гласность, состязательность, подчеркивают общность процессуальных отраслей и т.д. Таким образом, можно сделать вывод о системообразующем значении принципов права.

Необходимо подчеркнуть важность правовой неопределенности и в правоприменении, поскольку его субъекты осуществляют не только поиск, но и непосредственное применение конкретной нормы права к конкретной ситуации. В данном случае особую значимость приобретают оценочные понятия (например, «разумный срок», «добросовестное поведение», «существенное нарушение» и др.), которые позволяют охватить большое количество жизненных ситуаций и наполняются особым содержанием при применении к определенному случаю. По мнению Г. А. Гаджиева, включенность оценочных понятий в содержание нормативных правовых актов

выражает понимание законодателем своих ограниченных возможностей в части формирования детально регламентирующих норм права, а также способность правоприменительного субъекта, исходя из соображений правовой справедливости, применять соответствующее правило поведения к конкретной жизненной ситуации [15, с. 19]. По своей сути, оценочные понятия обеспечивают связь между нормативным формализмом и реальной жизнью, придают правовому регулированию гибкость.

Наличие абстрактных норм права оправдано невозможностью максимальной детализации всех аспектов и сторон общественных отношений. Т. В. Губаева полагает, что конструирование нормативного материала необходимо строить по принципу сочетания обобщающей абстракции и понятийной конкретности изложения, что позволит обеспечить точность и определенность юридической формы [16, с. 66]. В то же время более низкая степень общности норм права приводит к конкретизации особенностей общественных отношений в содержании норм права. Таким образом, налицо закономерность, обуславливающая зависимость содержания нормы права от уровня их общности.

Вместе с тем необходимо помнить, что увлеченность правотворческим субъектом оценочными понятиями, абстрактным изложением нормативного материала может привести к негативным последствиям, поскольку такое положение дел ставит субъектов права в положение негативной неопределенности. Определенность права обеспечивает адекватное отражение законодательной воли в тексте нормативного правового акта. В связи с этим при изложении нормативного материала следует избегать негативной неопределенности, способствующей снижению регулятивного потенциала права. Такую неопределенность также рассматривают в двух смыслах: широком (неопределенность включает в себя коллизии, пробелы, противоречия) и узком (результат несоблюдения логико-языкового закона тождества, устанавливающего необходимость неизменности смысла текста в процессе рассуждений, несмотря на изменчивость правовых явлений) [17, с. 41]. Негативная неопределенность же возникает, когда одному и тому же предмету (явлению) придаются различные значения.

И. П. Кожокар в качестве технико-юридических дефектов, являющихся следствием негативной правовой неопределенности, выделяет следующие: подмена первоначального законодательного тезиса, незавершенность законодательной мысли, изъяны нормативной графики [3, с. 213–228]. В связи с этим субъекты

правотворческой деятельности, прежде чем изложить нормативное предписание, должны определиться с его содержанием и последовательно его придерживаться, исключая возможности придания нескольких значений одному и тому же положению.

В юридической науке выделяют ряд способов преодоления неопределенности [9, с. 59–62]. К числу таковых, в частности, причисляют усмотрение, которое представляет собой интеллектуальную деятельность, включающую в себя оценку фактов, формирование собственного убеждения, выработку самостоятельного решения. При этом выделяют усмотрение в правотворческой деятельности, когда правотворческий субъект самостоятельно определяет сферу правового регулирования, методы ее регулирования и другое, и усмотрение в правоприменительной деятельности. В любом случае оно также ограничено определенными границами, но важно отметить, что изначально в основе усмотрения лежит неопределенность, предполагающая несколько вариантов действий в процессе правового регулирования и правоприменения.

Важная роль в преодолении неопределенности принадлежит социальным нормам, которые в каком-то смысле закладывают этические основы поведения человека, выступают способами его нормативной регламентации в обществе. Не зря правоприменительные субъекты, в частности судьи, обращаются к нравственным ценностям с целью достижения большей точности в действии права. Также при наличии обобщенных, абстрактных нормативных положений встает вопрос о необходимости конкретизации и ее пределах. Не углубляясь в эту проблему, лишь отметим, что конкретизация действительно необходима, поскольку без нее порой невозможно реализовать некоторые нормы права. Однако практика показывает, что зачастую детализация в порядке «иерархической цепи» трансформирует, если не меняет смысл исходных норм права. Налицо целый конгломерат разных инструкций и распоряжений, которые «лишают» силы вышестоящих актов, а также нивелируют самостоятельность субъектов права.

Результаты

Нацеленность правового регулирования как длящегося достаточно продолжительное время процесса воздействия со стороны государства на общественные отношения состоит в обеспечении стабильности и порядка в обществе. В статье было указано, что все его этапы, начиная с процессов формирования права и заканчивая правореализацией, пронизаны как определенно-

стью, так и неопределенностью, что объясняется некоей зависимостью правового регулирования от специфики государства, общества, имеющих доминант и тенденций развития в тот или иной исторический период существования общества. Не умаляя значения определенности как центрального базового свойства права, отметим, что она может характеризоваться не только с положительной, но и с отрицательной стороны. В частности, речь идет об избыточной регламентации, «псевдоопределенности», дублировании норм права как результатов правотворческих юридико-содержательных ошибок.

В современных условиях правовую неопределенность следует воспринимать как биполярное явление, не только олицетворяющее несовершенство права и его дефекты, но и выступающее технико-юридическим способом изложения нормативного материала, что эффективным образом сказывается на условиях динамики общественных отношений, постоянной трансформации политической, экономической, социальной сфер государства, имеющегося многообразия вариантов поведения субъектов. Перечисленное выступает неким совокупным фактором, обуславливающим необходимость обеспечения, подвижности, эластичности, гибкости правового регулирования. Позитивная правовая неопределенность способна заложить основы для индивидуального правового регулирования, осуществляемого в рамках действующего законодательства, а также в разумных пределах и для усмотрения субъектов в правореализационных процессах.

Абстрактность, обобщенный характер выступает необходимым условием правовой регламентации общественных отношений. В связи с этим правовая неопределенность, изначально присущая праву, выступает предпосылкой для выбора более эффективного варианта его реализации в виде технико-юридического приема изложения права, способствующего грамотной и разумной правовой регламентации, поскольку это предоставляет возможность учесть все особенности сложных жизненных ситуаций, их динамику, новые цели, задачи и потребности общества, социальных групп и классов, а также сделать прогнозы относительно их дальнейшего развития. Правовая неопределенность как технико-юридический способ изложения нормативного материала играет значимую роль и в правоприменительной деятельности, поскольку задачами ее субъектов выступает поиск не только подходящей под определенную ситуацию обобщенной нормы права, но и в конкретном ее применении.

Таким образом, при исследовании правовой неопределенности необходимо исходить из следующих постулатов:

1) она неизбежна, объективна и закономерна, поскольку правовая регламентация происходит вслед за трансформацией общественной жизни;

2) необходимость в тотальной регламентации и определенности права не всегда является оправданной – не все общественные отношения нуждаются в повсеместном правовом регулировании. Это суждение подтверждают положения гражданского законодательства, в котором допустима необходимая степень неопределенности для удобства регламентации соответствующих отношений (например, формулировка «если иное не предусмотрено договором»);

3) сознательное допущение и применение правовой неопределенности как технико-юридического способа изложения права правотворческим субъектом вследствие собственного разумного усмотрения, который понимает собственную неспособность урегулировать детально все общественные отношения и допускает усмотрение со стороны правоприменительных субъектов.

Следовательно, задачи по замене всех абстрактных норм права на конкретные казуистические не всегда оправданны. Закономерности развития права и состоят в том, что оно исторически строится и совершенствуется по принципу перехода от казуистического перечисления к формированию абстрактных категорий, что позволяет говорить о его универсальности.

Список литературы

1. Тихомиров Ю. А. Правовое регулирование : теория и практика. М. : Формула права, 2008. 400 с.
2. Алексеев С. С. Право : азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1999. 712 с.
3. Кожокар И. П. Техничко-юридические дефекты в российском праве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. 414 с.
4. Дербышева Е. А. Принцип правовой определенности : понятие, аспекты, место в системе принципов права : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2020. 238 с.
5. Готт В. С., Урсул А. Д. Общенаучные понятия и их роль в познании. М.: Знание, 1975. 63 с.
6. Ло Дж. После метода : беспорядок и социальная наука / пер. с англ. под ред. С. Гавриленко. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. 352 с.
7. Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Ч. 1. Учение о толковании и применении гражданских законов. Одесса : Экономическая тип., 1901. 376 с.
8. Назаренко Т. Н. Неопределенность в российском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 23 с.

9. Власенко Н. А. Методологическая результативность исследования определенности права // Определенность и неопределенность права как парные категории : проблемы теории и практики : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч. Ч. 1. М. : РГУП, 2018. С. 51–63.

10. Сидоренко А. И. Принцип правовой определенности в судебной практике : имплементация решений Европейского суда по правам человека : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2016. 30 с.

11. Лазарев В. В. Об органичности для права разумности и определенности // Журнал российского права. 2015. № 3. С. 142–145.

12. Баранова М. В. Определенность и неопределенность как свойства и средства правового регулирования // Определенность и неопределенность права как парные категории : проблемы теории и практики : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч. Ч. 1. М. : РГУП, 2018. С. 106–113.

13. Колотова Н. В. Проблема неопределенности в осуществлении социальных прав // Определенность и неопределенность права как парные категории : проблемы теории и практики : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч. Ч. 1. М. : РГУП, 2018. С. 320–328.

14. Богданова Е. В. Категории «определенность» и «неопределенность» как элементы договорного регулирования общественных отношений // Законодательство и экономика. 2012. № 4 (336). С. 21–28.

15. Гаджиев Г. А. Принцип правовой справедливости и роль судов в его обеспечении. Качество законов с российской точки зрения // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4 (89). С. 16–28.

16. Губаева Т. В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М. : Норма, 2003. 160 с.

17. Власенко Н. А. Правопонимание в свете категорий определенности и неопределенности // Журнал российского права. 2014. № 2. С. 37–44.

References

1. Tihomirov Yu. A. *Pravovoe regulirovanie: teoriya i praktika* [Legal Regulation: Theory and Practice]. Moscow, Formula prava Publ., 2008. 400 p. (in Russian).
2. Alekseev S. S. *Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya. Opyt kompleksnogo issledovaniya* [Law: ABC – Theory – Philosophy. Comprehensive Research Experience]. Moscow, Statut Publ., 1999. 712 p. (in Russian).
3. Kozhokar' I. P. *Technical and Legal Defects in Russian Law*. Diss. Dr. (Jur.). Moscow, 2020. 414 p. (in Russian).
4. Derbysheva E. A. *The Principle of Legal Certainty: Concept, Aspects, Place in the System of Principles of Law*. Diss. Cand. Sci. (Jur.). Ekaterinburg, 2020. 238 p. (in Russian).
5. Gott V. S., Ursul A. D. *Obshchenauchnye poniatiya i ikh rol' v poznanii* [General Scientific Concepts and their Role in Cognition]. Moscow, Znanie Publ., 1975. 63 p. (in Russian).

6. Law J. *After Method: Mess in Social Science Research*. Great Britain, Milton Park, Abingdon, Oxon, 2004. 188 p. (Russ. ed.: Moscow, Izd-vo Instituta Gaidara, 2015. 352 p.).
7. Vas'kovskiy E. V. *Tsivilisticheskaya metodologiya. Ch. I. Uchenie o tolkovanii i primenenii grazhdanskikh zakonov* [Civilistic Methodology. Pt. 1. Teaching About the Interpretation and Application of Civil Laws]. Odessa, Ekonomicheskaya tinografiya, 1901. 376 p. (in Russian).
8. Nazarenko T. N. *Uncertainty in Russian Law*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Moscow, 2006. 23 p. (in Russian).
9. Vlasenko N. A. Methodological effectiveness of the study of the certainty of law. *Opredelemnost' i neopredelemnost' prava kak parnye kategorii: problemy teorii i praktiki* [Certainty and Uncertainty of Law as Paired Categories: Problems of Theory and Practice. Proc. 12th Int. sci. and pract. conf.: in 3 pt.]. Pt. I. Moscow, Rossiyskiy gosudarstvennyi universitet pravosudiya, 2018, pp. 51–63 (in Russian).
10. Sidorenko A. I. *The Principle of Legal Certainty in Judicial Practice: Implementation of Decisions of the European Court of Human Rights*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Perm, 2016. 30 p. (in Russian).
11. Lazarev V. V. On organicity for the law of rationality and certainty. *Journal of Russian Law*, 2015, no. 3 (219), pp. 142–145 (in Russian).
12. Baranova M. V. Certainty and uncertainty as properties and means of legal regulation. *Opredelemnost' i neopredelemnost' prava kak parnye kategorii: problemy teorii i praktiki* [Certainty and Uncertainty of Law as Paired Categories: Problems of Theory and Practice. Proc. 12th Int. sci. and pract. conf.: in 3 pt.]. Pt. I. Moscow, Rossiyskiy gosudarstvennyi universitet pravosudiya, 2018, pp. 106–113 (in Russian).
13. Kolotova N. V. The problem of uncertainty in the exercise of social rights. *Opredelemnost' i neopredelemnost' prava kak parnye kategorii: problemy teorii i praktiki* [Certainty and Uncertainty of Law as Paired Categories: Problems of Theory and Practice. Proc. 12th Int. sci. and pract. conf.: in 3 pt.]. Pt. I. Moscow, Rossiyskiy gosudarstvennyi universitet pravosudiya, 2018, pp. 320–328 (in Russian).
14. Bogdanova E. V. Categories of “certainty” and “uncertainty” as an elements of contractual regulation of social relations. *Zakonodatel'stvo i ekonomika* [Legislation and Economics], 2012, no. 4 (336), pp. 21–28 (in Russian).
15. Gadzhiev G. A. The principle of legal justice and the role of courts in ensuring it. The quality of laws from the Russian point of view. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review], 2012, no. 4 (89), pp. 16–28 (in Russian).
16. Gubaeva T. V. *Yazyk i pravo. Iskusstvo vladeniya slovom v professional'noi juridicheskoi deiatel'nosti* [Language and Law. The Art of Word Control in Professional Legal Practice]. Moscow, Norma Publ., 2003. 160 p. (in Russian).
17. Vlasenko N. A. Legal understanding in the light of the categories of certainty and uncertainty. *Journal of Russian Law*, 2014, no. 2, pp. 37–44 (in Russian).

Поступила в редакцию 08.09.2021, после рецензирования 15.09.2021, принята к публикации 16.09.2021
Received 08.09.2021, revised 15.09.2021, accepted 16.09.2021